

ПРИРОДНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ СТРУКТУР И СОЦИАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

Риер Я. Г.

Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Аннотация. Географические условия, как известно, играли значительную роль в формировании и развитии доиндустриальных обществ. Эти условия становились определяющими в становлении типов хозяйства, быта и социальных порядков, формировавших «лица» складывавшихся цивилизаций.

Ключевые слова: природная среда, поселения, ландшафт, климат.

Summary. Geographic conditions, as you know, played a significant role in the formation and development of pre-industrial societies. These conditions became decisive in the formation of the types of economy, life and social order that formed the "faces" of the emerging civilizations.

Keywords: natural environment, settlements, landscape, climate.

Исследования последних десятилетий позволили составить общее представление о природных условиях континента в последние тысячелетия. Географическая зональность с преобладанием лесной растительности и равнинного рельефа предопределили уже с бронзового века переход основного европейского населения – индоевропейцев – от первоначального пастушества к земледелию, которое и стало определяющим для всех последующих форм их жизни от повседневной жизни, экономики до политического устройства.

На формирование поселенческих структур весьма серьезное влияние оказывал рельеф. Его неизменность в историческое время породила однозначное воздействие на расселение, распространявшееся у европейских земледельцев снизу вверх: из долин – на возвышенности. Стабильными в целом были и почвы, из которых изначально предпочтение отдавалось не столько плодородным, но, прежде всего, легким для обработки.

Важную роль играл климат, не только разнообразный, но весьма изменчивый и по температуре, и по влажности. Именно климат сыграл существенную роль в упадке Римской империи и варваризации Европы в середине I тыс. н.э. Примерно с IV в. во всем Северном полушарии, в том числе и в Европе, началось похолодание, добравшееся в V–VI вв. даже до Средиземноморья: в отдельные зимы замерзали Черноморские проливы и Адриатическое море. Такое похолодание ускорило деградацию античной рабовладельческой системы и подвигало ближайших к Риму варваров, прежде всего германцев, к переселению с североευропейской прародины в освоенные земли римских провинций. Это переселение и довершило ликвидацию Империи в Западной Европе.

Восточная часть континента, удаленная от Рима, заселенная в междуречье Верхней Вислы – Среднего Днепра протославянскими племенами поначалу была отмечена лишь местными перемещениями. Но с конца IV в. нашествие восточных кочевников – гуннов, которых сорвало с мест первоначального расселения все то же похолодание с наступлением тайги на степь, подвигло и славян к консолидации и активному перемещению от благоприятных для хозяйства Причерноморской лесостепи в более северные, но безопасные лесные земли Восточной и Центральной Европы с постепенным освоением балтских и финно-угорских лесных просторов. Начавшееся с VIII в. потепление в Европе способствовало консолидации германцев и славян на освоенных землях, развитию хозяйства, демографическому подъему и формированию политических объединений, первоначально – вождеств, в IX–XI вв. превращавшихся в ранние государства. Некоторое ухудшение климата в IX в. уже не сказалось столь существенно, как предыдущее, а последовавшее за ним новое потепление – климатический оптимум X–XII вв. (самое теплое время в Европе за все II тыс.) – способствовало бурному хозяйственному и демографическому подъему всего континента и формированию сети средневековых государств.

Но с рубежа I–II тыс. н.э. в Европе стали накапливаться социально-экономические различия, которые породили разные направления дальнейшего развития Запада и Востока континента, приведшие к формированию существенных цивилизационных различий. В основе этих различий лежали, прежде всего, природно-географические факторы.

Климатологи подчеркивают роль так называемой *январской изотермы*, условной линии, пересекающей в меридиональном направлении весь континент от Дании на севере до Венецианской лагуны на юге. К западу от нее январская температура редко опускается ниже 0°C, а к востоку обычная среднеянварская температура имеет отрицательные отметки, причем чем дальше на восток – тем ниже из-за нарастания континентальности климата. На западе же было ощутимым влияние Атлантики. Влияние этого фактора, представляется, сыграло решающее значение в формировании особых локальных цивилизаций на западе и востоке нашего континента.

Прежде всего, различия коснулись характера расселения. Общим для формирования поселенческих структур в Западной Европе было освоение речных долин в раннем средневековье и рост плотности населения в них. При этом сохранялся дискретный характер расселения. Такие районы становились базовыми для дальнейшего расселения. При благоприятных гидрологических, экономических и политических обстоятельствах некоторые поселения, основанные в раннем средневековье, просуществовали многие сотни лет [3, S. 48; 4, S. 340–345]. Максимальное развитие такой сети поселений было достигнуто в VIII–IX вв., когда старые области расселения германцев были уже практически полностью освоены.

Дальнейшее демографическое и хозяйственное развитие здесь было уже невозможно без расширения ойкумены. И освоение новых земель постепенно переросло в интенсивную колонизацию, внутреннюю и внешнюю, наиболее активную в XI–XIII вв., названную эпохой *великих расчисток*. Осваивались водоразделы, вырубались леса под поля и поселения – возник «современный аграрный пейзаж», появились очертания государств, отчасти сохранявшиеся и поныне.

Затем, в XIV–XV вв., произошла корректировка сети поселений. Были покинуты наиболее непродуктивные пашни и соответственно заброшены расположенные рядом с ними деревни, обычно небольшие. Характерным стало стремление к концентрации населения в более крупных деревнях. Указанная корректировка происходила в условиях очередного ухудшения климата вплоть до складывания к концу XV в. так называемого «малого ледникового периода».

В Восточной Европе также изначально господствовал долинный, приречный тип расселения с дискретным расположением поселений. Их скопления концентрировались в безлесых или редколесных долинах с пригодными для земледелия, чаще легкими почвами. В местах с низким уровнем грунтовых вод поселения располагались вблизи водотоков, в более увлажненных местах – на дюнах и пологих надпойменных террасах, в перувлажненных – на холмах и водоразделах. Последняя форма заселенности раньше всего сложилась на крайнем Северо-Западе Руси, где высокий уровень грунтовых вод, особенно прогрессирующий с VIII в., не позволял жить и хозяйствовать в речных долинах.

В отличие от запада континента, такой характер расселения в Восточной Европе сохранялся до XIII–XIV вв., что было связано с более редким здесь населением. Последнее, в свою очередь, обуславливалось вышеотмеченной континентальностью климата, что усложняло добычу ресурсов для выживания, замедляло и хозяйственное, и, соответственно, демографическое развитие. Лишь с XI в. процесс расселения здесь постепенно набирает динамику, сначала в нынешней украинской лесостепи, затем, в XII – начале XIII в. демографический бум охватил и лесные территории.

Однако в отличие от Запада сельское население продолжало концентрироваться в уже сложившихся агломерациях, в долинах рек, ограниченных возвышенностями с тяжелыми почвами, засушливыми на юге и поросшими сплошными лесными массивами к северу.

Дальнейшее демографическое и хозяйственное развитие региона в направлении насыщения речных долин, было, однако, прервано с середины XIII в. монгольским нашествием, ко-

торое нарушило сложившуюся динамику расселения, породив частичное запустение и отток населения в более безопасные места – в Северо-Восточную Русь (что усилило в том числе и земли будущего Московского княжества).

И лишь с XIV–XV вв. начался новый этап расселения, который характеризуется отходом от водотоков и освоением междуречных возвышенностей, водоразделов, постепенным превращением лесных ландшафтов в сельскохозяйственные. То есть, из-за, прежде всего, природно-климатического фактора освоение территорий Восточной Европы началось позднее, чем на западе, на 300–400 лет. И еще в XVII в. немецкие путешественники отмечали, что на пути в Москву им приходилось часто ночевать в лесу из-за редко стоявших населенных пунктов и полного бездорожья. Естественно, такая разреженность населения сказывалась и на хозяйственных, и на социально-политических процессах.

Какие факторы определяли направленность рассмотренного процесса расселения? Вернемся к географической обусловленности.

Человек поначалу лишь приспособливался к природным условиям, к особенностям ландшафтов. Массовый выход на водоразделы и начало земледельческого освоения лесных пространств означает, по сути, первую попытку широкого подчинения природы человеческим нуждам. В Западной Европе, в силу лучшей освоенности территорий еще с античных времен и, главное, атлантического климата, население было многочисленнее, чем на востоке континента. Сельскохозяйственный сезон на западе был возможен, при всех отмеченных климатических колебаниях (холодных и теплых периодов) примерно 8–9 месяцев в году¹. За это время крестьяне – а в рассматриваемую эпоху они не только составляли большинство населения, но и кормили остальных (дворян, духовенство) – успевали собрать необходимый продукт, причем в рамках малой семьи.

И с начала II тыс. западноевропейское крестьянство в рамках внутренней колонизации стало осваивать новые земли – возвышенности. В итоге параллельно с выходом на водоразделы, включением в хозяйственный оборот новых земель происходило и укрепление феодального землевладения в рамках складывавшейся с IX в. сеньориальной системы.

Более суровый климат Восточной Европы оставлял крестьянам на все их работы не более 5 месяцев, причем более долгие и холодные зимы требовали накопления больших запасов, как кормов, так и топлива. Все это не только надолго сохранило большесемейные хозяйства, коллективное общинное землепользование, «толоку» (вместо индивидуальных крестьянских хозяйств на западе – аллодов), но и предопределило многовековую ограниченность ресурсов, что и рост населения в Восточной Европе.

Поэтому на востоке континента освоение лесистых возвышенностей – водоразделов началось на несколько столетий позже, чем на западе, а в условиях борьбы со степью (Орда) растянулось и на XVI–XVII вв.

Но, главное, рассмотренная природная обусловленность породила те особенности социальных порядков и общественно-политической организации, которая вылилась в формирование, как отмечалось, разных цивилизационных моделей – локальных цивилизаций на континенте.

Основой западноевропейской цивилизации стали индивидуальные хозяйства, вышедшие из древнегерманского аллода – наследуемого надела малой крестьянской семьи. Такие аллоды формировались у германцев под влиянием их хозяйственного опыта еще с начала новой эры из-за: во-первых, уже рассмотренной возможности небольшому хозяйству без посторонней помощи обеспечивать себя необходимыми продуктами; во-вторых, из-за природных особенностей коренных германских земель в Северной Европе – мелкоконтурности угодий, ограниченных либо горами (в Швеции и Норвегии), либо болотами (побережье Северного и Балтийского морей). Знакомство в процессе заселения римских провинций с римским правом, закрепило представление об аллодах законодательно (в правах

на собственность). И уже с V–VI вв. на правах аллодов германские конунги начали раздавать земельные владения за службу. В VIII–IX вв. на этой основе возникли частновладельческие земельные владения – феоды (сеньории).

В Восточной Европе на обширных просторах, но с более суровым климатом сохранилось, как отмечалось коллективное землепользование. Поэтому при меньшем объеме добываемых ресурсов, здесь возникли трудности с выделением знати. Если, напомню, на западе уже с V в. военные слуги возникавших монархов (конунги, затем короли) получали участки во владение, которые постепенно превращались в феоды-сеньории, у восточных славян такой путь обеспечения княжеских дружинников ресурсами натолкнулся на отсутствие представлений об индивидуальном землевладении. Князья не могли жаловаться своим военным слугам наделы в держание, что существенно замедлило формирование феодальных порядков вообще и способствовало появлению здесь более централизованной власти князей, без западного правила «вассал моего вассала – не мой вассал».

То есть на востоке континента феодализм возник в более централизованной, а значит единовластной, деспотической форме, чем на западе. В этом восточноевропейский феодализм оказался ближе азиатской форме феодальных порядков. К этому добавилась и близость степи, опасность набегов из которой способствовала «овосточиванию» Московской Руси.

Не отвлекаясь на ее историю – она требует отдельного рассмотрения, заметим, что такая обусловленность развития Московского государства своим основным истоком имеет всю ту же природную составляющую – географическое расположение. Кстати, природа Восточной Европы способствовала длительности существования в России крепостничества с его крайне жесткими формами, напоминая рабовладение: холодный климат и бедные почвы объективно требовали для сохранения прочного государства централизованное эксплуатации трудового населения [2]. А прочное государство необходимо было как гарант безопасности от набегов кочевников. Так соседство со степью, от чего была избавлена Западная Европа, стало еще одним географическим фактором особенности восточноевропейской цивилизации.

Специфичным было развитие западных славян. Первоначально у них, еще в рамках общеславянской общности начала новой эры, в силу рассмотренной природной обусловленности существовала большая, неразделенная община, что как и у восточных собратьев, замедлило выделение знати, которая в VIII–IX вв. также не могла получать земельные владения, ибо все угодья принадлежали общинам. Но затем, через западное влияние, прежде всего политическое и религиозное, западославянская элита (князья, дружинники) постепенно стала проникаться нормами западного сеньориального строя. То есть феодализация здесь основывалась не на возникших в специфических географических условиях индивидуальных крестьянских хозяйств, как у германцев, а из заинтересованности западославянских элит жить так, как их западные собратья – феодалы. Однако эти процессы протекали уже вне природных факторов.

Днепровская часть восточного славянства, хотя во времена ВКЛ получавшая некоторые политические импульсы с запада, но по ментальности наследовала общинные, коллективистские представления, тесно связанные, как отмечалось, с нашей природной средой².

Литература:

1. Голубеў, В. Ф. Сельская абшчына ў Беларусі XVI–XVIII стст. / В. Ф. Голубеў. – Мн. 2008. – 407 с.
2. Милов, Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. – М. 1998. – 580 с.
3. Janssen, W. Methodische Probleme archäologischen Wüstungsforschung // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. 1968. Bd. 1. Philologisch-historische Klasse. No. 2. – S. 29–56.
4. Janssen, W. Dorf und Dorfformen des 7. Bis 12. Jahrhunderts im Lichte neuer Ausgrabungen in Mittel- und Nordeuropa // Das Dorf der Eisenzeit und des frühen Mittelalters. Göttingen. 1977. – S. 285–356.

¹ В средневековых иллюстрированных календарях в изображениях хозяйственных забот в феврале мы видим крестьянина в легкой куртке и без головного убора, обрабатывающего мотыгой огород. Подчеркиваю – уже в феврале.

² Это наглядно показал в своем исследовании о средневековой белорусской общине В. Ф. Голубев [1].